

Глава 2: Другой финал истории.

Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем холодный дождь привёл меня в сознание. Открыв глаза, я обнаружил, что меня завалило ветками, сквозь которые виднелось серое, затянутое тучами небо. Я пытался вспомнить, что случилось. Может, это был всего лишь сон? Но почему он казался таким реальным? Женщины-солдаты, прапорщик, немцы.... Как всё это связано? Почему разговор Риты с прапорщиком вызвал у меня такое странное, почти родное чувство?

Вокруг была абсолютная тишина, лишь ветер да шорох дождя нарушали её. Тишина... Внезапно у меня мелькнула мысль. Конечно, всё, что произошло, — это сцены из фильма «А зори здесь тихие». Теперь понятно, почему всё казалось таким знакомым.

Я откинул ветки и резко сел. Странно, ведь ещё недавно мне казалось, что всё тело пылает от боли, а теперь я не чувствую ничего. Вспомнив, что Рита стреляла себе в голову, я быстро ощупал виски. К счастью, никакой пули там не было — лишь немного крови над правой бровью. Возможно, Рита была слишком ослаблена от ран, чтобы крепко держать пистолет, и выстрел немного отклонился. Видимо, только так мне удалось выжить. Я расстегнул китель, чтобы проверить рану на животе. Повязка насквозь пропиталась тёмной кровью, которая скапливалась вокруг раны и текла на землю, смешиваясь с мутными дождевыми струями.

Я огляделся вокруг: прапорщик Федот не был виден, как не было и его пистолета. Видимо, по сюжету, он отправился с этим единственным патроном, чтобы встретиться лицом к лицу с оставшимися немецкими солдатами.

Я снова сел и попытался восстановить в памяти ход событий фильма: Лида поехала в город навестить сына, а, возвращаясь на рассвете, заметила двух немецких солдат и сообщила об этом младшему лейтенанту Кирьяновой и прапорщику Васкову. Уверенные, что перед ними всего два противника, прапорщик и пять девушек отправились на поиски. Но вскоре выяснилось, что немцев не двое, а шестнадцать. В ходе многочасовой битвы всех немцев удалось уничтожить, но и все пять женщин погибли. Только тяжелораненый прапорщик выжил и взял оставшихся врагов в плен...

Пять девушек, участвовавших в бою, погибли, и Рита, в чьём теле я оказался, тоже. Но почему же тогда я всё ещё жив? Неужели я каким-то образом вселился в её тело, перенесся в эту реальность?

Вдруг мои мысли прервал колокольный звон, доносившийся издалека. Я поднялся и посмотрел в ту сторону — над горизонтом возвышалась колокольня заброшенного монастыря. Но ведь монастырь уже давно пустует, не может быть, чтобы там кто-то был. Или это немцы?

Решив направиться к монастырю, я зашагал вперёд. По дороге мне попадались брошенные немцами ящики с динамитом, каски, фляжки и даже пара автоматов. Я поднял один, привычно

передёрнул затвор, но, обнаружив, что он пуст, отбросил его в сторону. Пустой автомат не более чем дубинка.

Эти разбросанные предметы стали для меня своеобразными метками на пути к Федоту и оставшимся немцам.

Дождь всё лил, словно решив смыть с земли всё лишнее. Шатаюсь, я дошёл до озера. Вода, сливаясь с небом, казалась бесконечной. Вдали виднелись серые стены заброшенного монастыря, а на грязной дороге угадывались следы множества ног.

Я был безоружен, и бросаться напролом было самоубийством, поэтому я крался, укрываясь за деревьями, и, наконец, затаился в кустах возле монастыря. Раздвинув ветви, я взглянул на внутренний двор.

У колодца лежали два тела немецких солдат, которых, вероятно, убил прапорщик. Несколько шагов — и я подобрал брошенный рядом автомат. В этот раз патроны были на месте, и, крепко сжав оружие, я направился к тяжёлой железной двери церкви.

Не успел я войти, как услышал, как прапорщик громко крикнул изнутри:

– Хэндэ хох! (нем. «Руки вверх!»)

Осторожно выглянув, я увидел, как Федот, освещённый факелами, держит пистолет, направленный на группу немцев, столпившихся у стены.

Несмотря на численное превосходство, немцы колебались, нервно поглядывая на оружие прапорщика. Я подскочил к двери и, прижавшись к дверному косяку, направил автомат на них.

– Хэндэ хох! – снова выкрикнул Федот.

Один из немцев отчаянно рванулся к автомату, решив, что это его последний шанс.

Прогремел выстрел из пистолета прапорщика.

Но, к несчастью, пуля лишь ударила в стену позади немца. Я инстинктивно нажала на спусковой крючок, два выстрела — и немецкий солдат, прижав руки к груди, где его поразили пули, рухнул вперёд, распростёршись на земле.

Оставшиеся немцы, видя его гибель, утратили последнюю надежду. Немецкий офицер отчаянно выкрикивал:

– Руке хох! Руке хох! – и под его командованием солдаты неохотно подняли свои руки. Видя их капитуляцию, прапорщик, прижавшись к стене, с облегчением выдохнул и медленно сполз по ней, хотя руки его продолжали крепко сжимать оружие.

Немецкий командир, кажется, всё ещё надеялся на чудо, но, увидев направленные на них чёрные стволы нашего оружия, тут же поднял руки ещё выше.

– Федя! – крикнул я прапорщику, но он меня не услышал, а лишь с ненавистью зарычал на немцев по-русски:

– Что, победили, да? Победили.... Пять девочек, всего пять.... Только пять! Но вы сюда не пройдёте. Всех убью, всех до единого! Даже если ваше начальство вас пощадит, я сам вас перестреляю, всех, собственными руками! Пусть судят меня потом, плевать... – Он сыпал ругательствами, сопровождая каждое слово угрожающими жестами, и немцы, охваченные страхом, подчинились ему беспрекословно.

Показывая пистолетом, он приказал четырём немцам связать друг друга ремнями, после чего подозвал командира и сам прочно его связал.

Когда всё было сделано, прапорщик с трудом встал, опираясь на стену, и, пошатываясь, подошёл к брошенному автомату, передёрнул затвор и направил оружие на пленных.

– Федя, не надо! – закричал я и, когда он потянулся к спуску, успела оттолкнуть ствол вверх. Пули вонзились в стену, и немцы, ошарашенные и напуганные, замерли, не зная, что ожидать.

– Идите, – прохрипел прапорщик, не обращая на меня внимания, и, взяв немецкий автомат, указал им вперёд.

Пленные молча двинулись мимо нас, опустив головы, принимая свою судьбу как неизбежное. Немецкий командир то и дело бросал тревожные взгляды назад — в глазах его читался страх. Он, должно быть, боялся, что прапорщик, захваченный яростью, может снова открыть по ним огонь, ведь гнев способен толкнуть человека на безумие.

Я вдруг почувствовал обжигающую боль, словно раны вновь открылись, когда я оттолкнула автомат. К тому же меня мучила жажда — казалось, всё тело было готово взмолиться о воде. С трудом сохраняя ясность разума, я плелся позади пленников и идущего за ними прапорщика.

Мы с трудом перебрались через небольшой ручей. Лес уже почти остался позади. Я чувствовал, как усталость всё сильнее наваливается на меня, но знал, что, если остановлюсь, уже не смогу подняться. Оставалось лишь идти за прапорщиком, двигаться вперёд, пока мы не достигнем цели.

В глухом лесу звучали только тяжёлые шаги.

Здесь царил тишина раннего рассвета.

Но вдруг из-за деревьев, с холмов и берега реки раздались возгласы, и я увидел множество красноармейцев, устремившихся к нам. Это были майор и лейтенант Кирьянова, которые вели поиски в лесу. Казалось, прапорщик ничего не замечал: он по-прежнему шёл вперёд, проходя мимо пленных, словно не видя никого.

Я остановился и, когда майор и лейтенант подошли ко мне, устало отдал честь.

– Товарищ майор, докладывает сержант Рита, командир первого взвода третьей роты отдельного батальона зенитных пулемётов. Наш отряд, выполняя приказ по ликвидации немецких диверсантов в тылу, уничтожил одиннадцать противников и взял в плен пятерых, – отчеканил я. И тут же удивился, как бегло у меня получилось сказать это по-русски. Неужели, став Ритой, я перенял и её знания, её сознание?

Но времени на раздумья не было — майор подошёл ко мне, положил руки на плечи, дважды хлопнул по ним и воскликнул:

– Молодец, девушка! Вы настоящие герои! Я горжусь вами!

Я и так едва держался на ногах, а после его хлопка перед глазами потемнело, и я рухнул на землю без чувств.

***

<http://bllate.org/book/16020/1429195>